

А.Р. Дюков

**«ДЕЛО ПОВИЛАЙТИСА» И КРИЗИС СОВЕТСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В МАЕ-ИЮНЕ 1940 Г.**

Дюков Александр Решидеович – научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

E-mail: a.dyukov@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-5488-3174>

АННОТАЦИЯ

В данной статье с опорой на дипломатические и архивно-следственные документы из архивов Литвы, Латвии и России описывается разразившийся в мае-июне 1940 г. кризис советско-литовских отношений, завершившийся сменой власти в Литве и последующим включением этой республики в состав СССР. Особое внимание в статье уделяется обвинениям от советской стороны в отношении литовских спецслужб и лично директора Департамента государственной безопасности МВД Литвы А. Повилайтиса, а также реакции на них литовских официальных лиц.

Рассматривая широкий круг источников, автор показывает, что вопреки распространенному в историографии мнению выдвигавшиеся Москвой в адрес литовских спецслужб обвинения в похищениях и вербовке военнослужащих из расположенных в Литве советских военных частей не носили абсурдного характера. Литовские спецслужбы действительно несли ответственность за вербовку и последующее убийство красноармейца Г. Бутаева. Впрочем, по мнению автора, истинной причиной кризиса советско-литовских отношений мая-июня 1940 г. было вовсе не это.

Весной 1940 г. возможность перехода Литвы в германскую сферу влияния рассматривалась Кремлем как реальная угроза безопасности Советского Союза. Пока Германия была занята боевыми действиями на Западе, эта угроза оставалась эвентуальной, однако сокрушительные победы германских войск на Западе в мае 1940 г. кардинально изменили ситуацию. Эта ситуация усугублялась тем, что в феврале 1940 г. директор ДГБ А. Повилайтис посетил Берлин, где встречался с высокопоставленными сотрудниками РСХА и по поручению президента А. Сметоны зондировал вопрос о возможном установлении германского протектората над Литвой. Благодаря деятельности советской разведки информация об этом визите стала вскоре известной Кремлю.

В сложившейся ситуации фигура Повилайтиса приобретала огромное политическое значение. Поскольку зондаж возможности установления германского протектората осуществлялся именно через него, для Москвы принципиально важным было увидеть Повилайтиса за решеткой. Этот арест был бы одновременно и наглядным свидетельством лояльности литовских властей, и концом сотрудничества спецслужб Германии и Литвы. Однако прямых обвинений Повилайтису в контактах с немцами Кремль предъявить не мог – это означало рассекречивание ценнейшего агента советской разведки. Именно поэтому в качестве обоснования необходимости ареста Повилайтиса использовалась малозначительная история с вербовкой литовскими спецслужбами Г. Бутаева.

Ключевые слова: СССР, Литва, Германия, международные отношения, спецслужбы, Повилайтис.

Цитирование. Дюков А.Р. «Дело Повилайтиса» и кризис советско-литовских отношений в мае-июне 1940 г. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 46–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-46-53>

A.R. Dyukov

**«POVILAITIS' CASE» AND THE CRISIS OF THE SOVIET-LITHUANIAN RELATIONS
IN MAY-JUNE, 1940**

© Dyukov Alexander Reshideovich – research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.
E-mail: a.dyukov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5488-3174>

ABSTRACT

This article is based on the diplomatic documents from Lithuanian, Latvian and Russian archives. It is concerned with the critical moment of relations between Soviet Union and Lithuania in May-June, 1940 and the resulting changes of the Lithuanian government. It was a background for the further including of Lithuania in USSR as a republic. The article emphasizes the charges exposed by the Soviet party concerning the Lithuanian secret agencies and personally the director of the Department of State Security (VSD) of Lithuania A. Povilaitis, as well as the reaction of the Lithuanian officials to it.

In the spring of 1940 the possibility of transition of Lithuania to the German sphere of influence was considered by the Kremlin as real threat to the security of the Soviet Union. While Germany has been busy fighting in the West, this threat remained eventual; however rapid victory of Germany in May, 1940 has cardinally changed a situation. The situation was aggravated with the fact that in February, 1940 the director of VSD A. Povilaitis visited Berlin where he met the high-ranking employees of RSHA and upon the request of the president A. Smetona probed a question of possible establishment of the German protectorate over Lithuania. Thanks to the activity of the Soviet investigation intelligence on this visit became soon known to the Kremlin.

Under these circumstances Povilaitis's figure gained huge political value. As the sondage of a possibility of establishment of the German protectorate was carried out through him, that was essentially important for Moscow to see Povilaitis behind the bars. This arrest would at the same time be both the true evidence of loyalty of the Lithuanian authorities, and the end of the cooperation between intelligence agencies of Germany and Lithuania. Due to this reason the Soviet side tried to obtain Povilaitis's arrest with that much of an effort. However the Kremlin couldn't show direct charges to Povilaitis in contacts with Germans, because it would mean the declassification of the most valuable agent of the Soviet intelligence.

Key words: USSR, Lithuania, Germany, international relations, secret services, Povilaitis.

Citation. Dyukov A.R. «*Delo Povilaitisa*» i krizis sovetsko-litovskikh otnoshenii v mae-iiune 1940 g. [«Povilaitis' case» and the crisis of the Soviet-Lithuanian relations in May-June, 1940]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 46–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-46-53>.

В конце мая 1940 г. Москва начала оказывать возрастающее дипломатическое давление на литовские власти. Этот кризис советско-литовских отношений стал неожиданным для большинства наблюдателей; он завершился предъявлением литовскому руководству ультиматума, сменой власти в республике и последующим включением Литвы в состав СССР. Официально предъявлявшиеся Кремлем претензии были достаточно разнообразны, однако «стержневым» было обвинение литовских спецслужб в причастности к похищениям красноармейцев с расположенных в Литве советских военных баз. Одним из ответственных за эти похищения Москва настойчиво называла директора Департамента госбезопасности МВД Литвы А. Повилайтиса.

Все началось поздним вечером 25 мая 1940 г., когда посла Литвы в СССР Л. Наткявичюса неожиданно вызвали в Кремль. Нарком иностранных дел В.М. Молотов был хмур; не тратя времени на

формальные разговоры, он зачитал литовскому послу неожиданно жесткое заявление. Советское правительство обвиняло литовскую сторону в похищениях военнослужащих из дислоцируемых в Литве советских военных частей. «Нам достоверно известно, что исчезновение этих военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов Литовского правительства, — говорилось в заявлении. — Советское правительство предлагает Литовскому правительству прекратить эти провокационные действия отдельных агентов известных органов Литовского правительства и принять немедленные меры к розыску исчезнувших советских военнослужащих и доставить их в распоряжение командования советских войск в Литве. Советское правительство надеется, что Литовское правительство пойдет навстречу его предложениям и не вынудит его к другим мероприятиям» [Полпреды сообщают..., с. 331].

Молотов назвал литовскому посланнику в Москве фамилии двух пропавших красноармейцев — Носова и Шмавгонца; спустя несколько дней в заявлении НКВД эта информация была уточнена — были названы фамилии красноармейцев Н. Шмавгонца, Б. Писарева и Г. Бутаева (дезертировавшего из части еще в феврале 1940 г., а в мае погибшего при загадочных обстоятельствах) [Полпреды сообщают..., с. 334–335]. Что же касается Носова, то впоследствии выяснилось, что эта фамилия была включена в список похищенных ошибочно, о чем было заявлено литовской стороне [СССР и Литва во Второй мировой войне, с. 535].

Формулировка «отдельные агенты известных органов литовского правительства» содержала недвусмысленный намек на причастность к исчезновению советских военнослужащих представителей литовских спецслужб. Этот намек был прекрасно понят в Каунасе. Руководство МИД Литвы было осведомлено, что литовские спецслужбы прямо причастны к вербовке как минимум одного красноармейца — Г. Бутаева, сбежавшего из дислоцировавшейся в Виленском крае советской военной части в марте 1940 г. Об этом свидетельствует датированная 20 марта 1940 г. записка директора политического департамента МИД Литвы Э. Тураускаса, в которой содержится совет литовским военным «по возможности поскорее отправить вышеуказанного Бутаева куда-нибудь подальше от Вильнюса, чтобы не было возможности советским военнослужащим его искать и задержать» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 1, с. 596]. Осведомлен об истории с Бутаевым был и посол Литвы в Лондоне Б. Балутис. После получения советской ноты протеста он советовал провести специальное расследование: «...все подозрительные провокаторы, несмотря ни на какие бывшие их заслуги или же высокие покровительств», должны были быть уволены из политической полиции, а в самой этой структуре следовало провести «основательную реформу» [Каспаравичюс, Лауринавичус, с. 132].

Однако призыв высокопоставленных дипломатов (к Б. Балутису присоединился и посол Литвы в Париже П. Климас [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 55]) услышан не был. Литовское правительство ограничило созданием 27 мая 1940 г. специальной комиссии для расследования выдвинутых советским правительством обвинений [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 39]. Информация о создании комиссии была доведена до советской стороны 28 мая (Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Государственный исторический архив Латвии). Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л 21). К этому времени исчезнувшие из советских гарнизонов красноармейцы Б. Писарев и Н. Шмавгонца вернулись в распоряжение своих частей, заявив о том, что были похищены неизвестными. С советской точки зрения это не могло не выглядеть крайне подозрительно.

Для того чтобы разобраться в происходящем, в Литву спешно вылетел заместитель наркома обороны А.Д. Локтионов. Как отмечали литовские дипломаты, это был незапланированный визит; документы на визу были поданы в литовское посольство лишь вечером 25 мая (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 20). «Поездка Локтионова в Каунас явилась неожиданностью, — комменти-

ровал происходящее латвийский посланник в Москве Ф. Коциньш. — Ему было нужно, в связи с подписанием соглашения с эстонцами, выехать в Таллин... Очевидно, дело в Литве было срочным» (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 35).

Прилетев на личном самолете в Вильнюс, Локтионов 28 мая допросил вернувшихся в части красноармейцев Писарева и Шмавгонца. В ходе допроса Шмавгонца сообщил о том, что якобы был похищен неизвестными, пытавшимися получить от него данные о дислокации и вооружении бригады. По словам Шмавгонца, похитители пять дней держали его в подвале практически без пищи; потом похитители отпустили красноармейца (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 150–156). Врач, осмотревший Шмавгонца, подтвердил: красноармеец сильно истощен, а следовательно, его заявления о том, что он не ел пять дней, соответствуют действительности (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 157). Аналогичные показания дал и Писарев — по его словам, он был похищен неизвестными в польской форме (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 158–161).

После допроса красноармейцев Локтионов вылетел в Каунас. Как рассказывал впоследствии литовский посланник в Москве Л. Наткявичюс, по прибытии в Каунас замнаркома «нанес визиты министру иностранных дел и военному министру, но отказался от официального приема. В разговоре с министром иностранных дел Локтионов высказал строгие упреки, к тому же сообщил имена еще двоих солдат, возвратившихся измученными в свои части. В целом картины Локтионова приравнивались к подлинному криминальному роману» (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 21). После этого Локтионов возвратился в Вильнюс, где встретился с командующим дислоцировавшейся в области 1-й пехотной дивизии литовской армии генералом Й. Чернюсом. Судя по всему, Локтионов был не склонен возлагать вину за «похищения» красноармейцев целиком на литовские спецслужбы. Генерал Чернюс передает слова Локтионова следующим образом: «В Литве есть много всяческого элемента, то есть: итальянцев, немцев, англичан и др., которые очень заинтересованы в сборе сведений о Советской армии. Они не стыдясь могут использовать насильственные способы. Советская армия здесь на чужой территории и не в ее силе приструнить гражданских выскочек, здесь уже дело правительства Литвы и его органов. Только эти органы не могут так медлить, как медлили с Бутаевым, поиск которого продлился два месяца, и сообщили, что он застрелился» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 56].

Однако визит Локтионова не заставил Кремль смягчиться; уже 30 мая в прессе появилось специальное заявление Наркомата иностранных дел «О провокационных действиях литовских властей», в котором в развернутой форме излагалось содержание заявления, зачитанного 25 мая литовскому послу [Полпреды сообщают..., с. 334–335]. Спустя несколько дней полпред СССР в Литве Н.Г. Поздняков выехал в Москву для консультаций [Полпреды сообщают..., с. 338].

4 июня посол Литвы в СССР Наткявичюс сообщил о том, что премьер-министру А. Меркису

стоит готовиться к поездке в Москву и «чем скорее, тем лучше»; таково было пожелание Кремля [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 90]. Отказаться от подобного приглашения было невозможно, тем более что спешность этого вызова заставляла предположить, что на руках у советской стороны появились какие-то новые карты. 6 июня посол Наткявичюс прислал из Москвы телеграмму с отчетом о состоявшейся 2 июня неофициальной беседе с замнаркома обороны Локтионовым. В беседе с послом замнаркома заявил, что советской стороне «известны фамилии тех лиц, которые имели контракт с Бутаевым в целях шпионажа» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 100].

Литовские власти были готовы к этому неприятному известию. Для того чтобы замаскировать свою причастность к делу Бутаева, литовские спецслужбы еще с конца мая стали готовить «козлов отпущения». 31 мая органы госбезопасности Литвы задержали двоих бывших офицеров польской разведки — А. Туреля и П. Комара. Еще один бывший офицер польской разведки, Ф. Сельманович, был арестован неделю спустя. Департаменту госбезопасности и литовской военной разведке было прекрасно известно, что все трое были членами польского подполья и одновременно агентами резидента французской разведки в Литве Г. Пишона. Более того, было точно известно, что в марте 1940 г. Сельманович дважды встречался с Бутаевым, изучая возможность вербовки последнего. Налицо была возможность спихнуть вину за дело Бутаева на поляков и стоявшую за их спинами французскую разведку. Помимо польских офицеров был задержан житель Новой Вильни Й. Пашкявичюс, сведший Сельмановича с Бутаевым, и бывшая любовница Бутаева А. Браткаускайте. На польских офицеров было заведено уголовное дело по обвинению в работе на французскую разведку, а 8 июня было открыто уголовное дело и против французского резидента Пишона [Vubnys, с. 138–141]. Действия литовских властей полностью соответствовали циничным рекомендациям, сформулированным генералом Чернюсом по итогам встречи с Локтионовым: «Предпринимать шаги, чтобы были раскрыты в правильном свете похищения или предполагаемые похищения последних двух солдат, а также наказать нескольких лиц, которые поддерживали связи с Бутаевым... Слишком много всякого нежелательного элемента в Вильнюсе. Мне кажется, что если это государственное дело, то было бы правильно нескольких диверсантов им (Советам) отдать. Пусть разбираются. Будет впечатлительное, что мы боремся сообща» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 58].

В полдень 7 июня премьер-министр Литвы А. Меркис прибыл в Москву; в девять вечера его принял в Кремле нарком иностранных дел В.М. Молотов. Скрывать информацию о контактах литовских спецслужб с красноармейцем Бутаевым было бессмысленно, а потому Меркис в своем выступлении упомянул об этом факте, упирая, однако, на то, что эти контакты были эпизодическими [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 116]. Неизвестно, попытался ли Меркис рассказать Молотову о причастности руководимых резидентом французской разведки польских подпольщиков к делу Бутаева; ни в советской, ни в литовской записи бесе-

ды об этом нет упоминаний. Однако даже если эти оправдания и прозвучали, Молотов их не принял: «Совершенно очевидно, сказал я далее, что все эти случаи — дело рук вашей охраны. Не допускаю мысли, чтобы об этом не знал ее руководитель Повилайтис и министр внутренних дел Скучас... Участие охраны во всех этих делах, сказал я Меркису, иллюстрируется и подтверждается вашими же материалами» [Полпреды сообщают..., с. 354]. Фамилии Повилайтиса и Скучаса еще не раз звучали из уст Молотова, и было очевидно, чего требует Кремль. Как отметил присутствовавший при встрече посол Наткявичюс, «одной из самых сильных мер была бы смена министра внутренних дел и [директора] Департамента государственной безопасности» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 116].

Аналогичного мнения придерживался и Меркис. Через несколько часов после встречи с Молотовым он направил в Каунас телеграмму, в которой отмечал: «В речи Молотова ясно проглядывало недовольство министром внутренних дел и директором департамента безопасности. Думаю, что придется заявить, что виновные будут наказаны. Директор департамента безопасности Министерства внутренних дел будет заменен. Телеграфируйте предложения» [СССР и Литва во Второй мировой войне, с. 572–573]. Президент Литвы Сметона неохотно одобрил эту идею [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 120].

Однако когда 9 июня состоялась повторная встреча Меркиса с Молотовым, то выяснилось, что одним увольнением Повилайтиса советская сторона не удовлетворится. Каунасу были предъявлены новые претензии, на сей раз связанные с якобы имевшим место созданием антисоветского военного союза стран Прибалтики [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 361–364]. Обдумав происходящее, в Каунасе сделали вывод, что «ухода одного только Скучаса из кабинета [министров] сегодня уже не хватило бы, поэтому стоит сделать общую реорганизацию правительства» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 124]. В Москву спешно вылетел министр иностранных дел Ю. Урбшис; с собой он вез бумагу, подтверждающую, что президентом Литвы принято решение об изменении состава правительства. Каковы будут эти изменения — оставалось предметом переговоров.

Новая встреча Меркиса и присоединившегося к нему Урбшиса с Молотовым состоялась вечером 11 июня. Советский нарком принял к сведению привезенную из Каунаса информацию, однако потребовал конкретики. «Молотов, реагируя на заявление, спросил, по-прежнему ли сидят на своих местах и не отданы под суд Скучас с Повилайтисом?» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 128]. Меркис ответил, что решит эту проблему сразу после возвращения в Каунас, однако это утверждение, судя по всему, вызвало сомнение главы НКВД. По крайней мере, в завершение беседы Молотов опять вернулся к проблеме Скучаса и Повилайтиса. На замечание главы литовского МИД о том, что литовская сторона хочет как можно скорее «ликвидировать создавшееся напряжение», Молотов ответил: «Это зависит от них самих. Пока что ими ничего не сделано. Министр Скучас не снят. Повилайтис тоже не снят и под суд не отдан.

Вместо решительных мер создаются комиссии» [Полпреды сообщают..., с. 366]. Требование Кремля относительно немедленного ареста Повилайтиса (и, возможно, Скучаса) было абсолютно недвусмысленным. «Боги гневаются. Прощание г-на премьер-министра с г-ном Молотовым было слишком сухим», — записал по итогам встречи литовский посол Наткявичюс [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 137].

12 июня премьер-министр Меркис отбыл в Каунас; в Москве остался министр иностранных дел Урбшиш — ожидать новостей. Рано утром 14 июня в литовское посольство в Москве пришла шифротелеграмма. Настойчивые требования Кремля относительно ареста Повилайтиса оказались отвергнуты — равно как и недвусмысленные намеки на необходимость смены правительства на более лояльное к СССР. «Президент, премьер и большинство [членов правительства] приняли решение, что будет достаточно отставки Скучаса и увольнения Повилайтиса», — говорилось в шифрограмме [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 130]. В два часа дня Урбшиш сообщил заместителю наркома иностранных дел В.Г. Деканозову об отставке Скучаса и увольнении Повилайтиса [Полпреды сообщают..., с. 371]. Урбшиш также просил о возможности встретиться с Молотовым.

Молотов принял своего литовского визави незадолго до полуночи. В отличие от предыдущих, эта встреча продлилась недолго: советский наркоминдел зачитал своему литовскому коллеге ультиматум. От литовской стороны требовали арестовать и отдать под суд министра внутренних дел Скучаса и директора Департамента госбезопасности Повилайтиса, сформировать в Литве новое, просоветское, правительство и обеспечить свободный пропуск на территорию страны новых подразделений Красной армии. Ультиматум завершался лаконично: «Советское правительство ожидает ответа Литовского правительства до 10 час. утра 15 июня. Непоступление ответа Литовского правительства к этому часу будет рассматриваться как отказ от выполнения указанных выше требований Советского Союза» [Полпреды сообщают..., с. 376]. От себя Молотов добавил: «Какой бы вы ни дали ответ, все равно советская армия войдет в Литву» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Требование ареста Скучаса и Повилайтиса стояло первым пунктом в советском ультиматуме, и литовский министр иностранных дел попытался уточнить советскую позицию по данному вопросу. В советской и литовской записи беседы ответ Молотова отличается немаловажными нюансами.

Советская запись выглядит следующим образом: «Урбшиш говорит, что он не видит статьи, на основании которой можно было бы отдать под суд министра внутренних дел Скучаса и начальника политической полиции Повилайтиса. Спрашивает, как быть? Тов. Молотов говорит, что прежде всего надо их арестовать и отдать под суд, а статьи найдутся. Да и советские юристы могут помочь в этом, изучив литовский кодекс» [Полпреды сообщают..., с. 372].

Литовская запись, подготовленная послом Наткявичюсом, излагает ответ Молотова немного иначе: «Непонятно, сказали мы, каким образом отдать под суд г-на Скучаса и Повилайтиса. Г-н Молотов ответил, что если ваши юристы не найдут статьи, то наши юристы поищут статьи согласно кодексам Литвы, например за предательство. Ведь это уже настоящие из-

менники Литвы, добавил он» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Еще до встречи с Молотовым глава литовского внешнеполитического ведомства послал в Каунас телеграмму о предстоящем получении советских требований. Собравшись к двум часам ночи во дворце президента Антанаса Сметона, члены правительства Литвы ожидали шифровки из Москвы. Получение недвусмысленного ультиматума, однако, оказалось для всех шоком. Разведывательный отдел Генштаба литовской армии с начала июня докладывал о сосредоточении у границ республики частей Красной армии [Ильмарьв, с. 599]. Иллюзий не оставалось: в случае получения отрицательного ответа советское руководство готово было начать боевые действия.

Президент Сметона предложил оказать вооруженное сопротивление Красной армии и при необходимости отступить вместе с литовскими войсками на территорию соседней Германии. Сметона категорически выступал против ареста Скучаса и Повилайтиса; максимум, на что был готов согласиться литовский президент, — это сменить правительство на более приемлемое для СССР. Однако члены правительства вовсе не разделяли воинственных настроений главы государства и его прогерманских симпатий; большинство склонялось к необходимости удовлетворить требования Кремля. Действующий премьер-министр А. Меркис, главнокомандующий литовской армии дивизионный генерал В. Витаускас и кандидат на пост нового главы правительства бригадный генерал С. Раштикис выступили против предложений президента (Lietuvos uapatingas archyvas (Особый архив Литвы). Ф. 3377. Оп. 58. Д. 806. Л. 7–8). Не получив поддержки, Сметона подал в отставку; в Москву была отправлена телеграмма о том, что официальный Каунас согласен удовлетворить требования советского руководства. Урбшиш успел сообщить об этом Молотову за пятнадцать минут до истечения ультиматума [Полпреды сообщают..., с. 377]. Литовская запись этой беседы, сделанная послом Наткявичюсом, свидетельствует, что даже после объявления об отставке правительства и согласия на ввод дополнительных контингентов советских войск в Литву вопрос о Скучасе и Повилайтисе не был забыт советской стороной. «Г-н Молотов спросил, задержаны ли уже г-н Скучас с г-ном Повилайтисом? На это мы ответили, что сведений у нас нет», — записал посол [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Обеспокоенность советской стороны имела под собой основания. Несмотря на то что официальный Каунас утвердил решение принять советский ультиматум, немедленного ареста Скучаса и Повилайтиса не произошло. Напротив, литовским руководством были предприняты меры по организации их бегства. Согласно воспоминаниям министра обороны К. Мустейкиса, президент Сметона отдал премьер-министру А. Меркису распоряжение «проследить, чтобы эти двое должностных лиц не попали в руки большевиков» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 204]. Ранним утром 15 июня Скучас был вызван в президентуру; встретившийся с бывшим министром внутренних дел Сметона «решительно посоветовал» ему бежать за границу [Дюков, с. 91–92]. Вернувшись домой, Скучас встретился с Повилайтисом. Было принято решение, что они оба отправятся в деревню Пашвянтис. В этой деревне, расположенной у самой германской гра-

ницы, проживал брат Повилайтиса. Оттуда планировалось бежать дальше – в Германию [Дюков, с. 81].

Перед отъездом из Каунаса Скучас счел нужным подтвердить разрешение на бегство из страны у премьер-министров – уходящего Меркиса и нового Раштикиса. «Я позвонил Меркису и генералу Раштикису (в связи с тем, что он намечался главой нового литовского правительства) и сообщил о том, что я намерен из Каунаса уехать на хутор к Повилайтису, расположенный неподалеку от литовско-германской границы. Я спросил Меркиса и Раштикиса, как они на это смотрят. Раштикис против моего отъезда не возражал, а Меркис сам настоятельно советовал мне уехать, предоставив в мое распоряжение автомашину министерства. Тут же мы с Меркисом обусловили[сь], что он должен по телефону или другим способом предупредить меня о необходимости перехода литовско-германской границы» [Дюков, с. 92].

В последовавшей вскоре после этого телефонного разговора беседе с президентом Сметоной Меркис доложил, что дело сделано: «Граница близка... Убежать будет легко» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 193]. Только после этого Меркис сделал то, что давно требовал Кремль – санкционировал арест Скучаса и Повилайтиса. В своих позднейших показаниях он вспоминал: «Министр юстиции Тамошайтис обратился ко мне письменно, прося распоряжения арестовать Скучаса и Повилайтиса. На бумаге министра юстиции я наложил резолюцию об аресте и передал для исполнения генеральному секретарю министерства внутренних дел Гедрайтису. Гедрайтис сделал все необходимые распоряжения для ареста» (Lietuvos uapatingas archyvas. Ф. К-40. Оп. 1. Д. 104. Л. 225–227). Упомянутой «бумагой министерства юстиции» был ордер на арест; он сохранился до наших дней – вместе с резолюцией Меркиса (Lietuvos centriniis valstybes archyvas (Центральный государственный архив Литвы). Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 94).

По всей видимости, Меркис надеялся, что полиция уже не успеет задержать выехавших из Каунаса высокопоставленных беглецов. Однако эти надежды не сбылись. дезориентированный участием Меркиса в организации побега Скучас по прибытии в деревню попытался дозвониться до премьер-министра, чтобы сообщить ему о своем местонахождении. Однако телефоны не отвечали – и тогда Скучас связался с дежурным офицером Департамента государственной безопасности. Бывший министр внутренних дел сообщил дежурному о своем местонахождении и попросил передать эту информацию премьер-министру и министру юстиции Тамошайтису (Lietuvos uapatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 58. Д. 483. Л. 57). К этому времени ордер на арест был уже выдан и завизирован Меркисом; получившая информация о местонахождении беглецов полиция сработала максимально эффективно. Из Каунаса до пограничного Пашвянтиса было несколько часов быстрой езды на автомобиле. Вечером того же дня А. Повилайтис и К. Скучас были арестованы прибывшим из Каунаса отрядом полиции под командованием вахмистра резерва полиции И. Юоспайтиса. Повилайтиса задержали в тот момент, когда он уже бежал к немецкой границе. При задержании бывший директор Департамента госбезопасности выхватил револьвер и намеревался стрелять, но был обезоружен полицейскими (Lietuvos centriniis valstybes archyvas. Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–103).

На следующий день, 16 июня 1940 г., Скучас и Повилайтис под должной охраной были доставлены в

столицу и помещены в тюрьму в VI форту Каунаса (Lietuvos centriniis valstybes archyvas. Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–103). Некоторые литовские историки утверждают, что прибывший в тот же день в Каунас эмиссар Москвы – замнаркома иностранных дел Деканозов – лично посетил тюрьму, проверив, таким образом, выполнение литовской стороной первого пункта советского ультиматума [Lukšas, с. 31].

Настойчивость, с которой в конце мая – первой половине июня 1940 г. советская сторона добивалась отстранения от должности, а затем – и ареста министра внутренних дел К. Скучаса и директора Департамента госбезопасности МВД А. Повилайтиса, производит сильное впечатление. Именно это требование стояло первым пунктом в ультиматуме 14 июня; его же Кремль настойчиво высказывал и в ходе предшествовавших переговоров.

При этом стоит отметить, что основной целью Кремля был именно Повилайтис, а не его непосредственный начальник. Напомним, что во время беседы с литовским премьер-министром А. Меркисом 11 июня Молотов ставил в вину литовскому руководству тот факт, что «министр Скучас не снят. Повилайтис тоже не снят и под суд не отдан» [Полпреды сообщают..., с. 366]; таким образом, Кремль был готов удовлетвориться отставкой Скучаса – но Повилайтис должен был быть непременно арестован. Этот же подход мы находим и в первом черновом варианте ультиматума руководству Литвы, который был обнаружен в фонде В.М. Молотова в РГАСПИ российским историком Е.Ю. Зубковой. В этом документе требуется «арестовать и предать суду» Повилайтиса, тогда как в отношении Скучаса требования явно скромнее: «по меньшей мере сместить с занимаемого поста» [Зубкова, с. 74].

Современные литовские исследователи объясняют советскую атаку на Повилайтиса острой неприязнью Кремля к главе ведомства, осуществлявшего репрессии против коммунистов [Lukšas, с. 26–28]. Однако подобное объяснение не выглядит правдоподобным. Советское руководство проводило в Литве вполне прагматическую политику, в рамках которой представители местной компартии были не более чем одной из фигур на шахматной доске. При необходимости эти фигуры жертвовали без особого сожаления: в декабре 1939 г. даже арест первого секретаря ЦК компартии Литвы А. Снечкуса не вызвал у Москвы протеста [Tininis, с. 34]. Стоит также заметить, что в ультиматумах, чуть позже предъявленных руководству Эстонии и Латвии, каких-либо требований относительно ареста местных руководителей политических партий не содержалось. Более того: точно так же, как и Повилайтис, осуществлявший преследования коммунистов директор управления полиции МВД Эстонии Й. Сооман был арестован лишь в конце августа 1940 г. (Eesti Riigiarhiivi filiaal (Филиал Эстонского государственного архива). Ф. 130SM. Оп. 1. Д. 9861. Л. 186, 192–193, 198–199). Их латвийский коллега, директор Департамента полиции безопасности МВД Я. Фридрихсонс был арестован 21 июля 1940 г. (Latvijas Valsts arhivs (Государственный архив Латвии). Ф. 1986. Оп. 1. Д. 43894. Т. 1. Л. 3) – хотя и раньше Соомана, но гораздо позже, чем Повилайтис. Не вызывает сомнений: если бы советское руководство действительно стремилось срочно покарать борющихся с коммунистами прибалтийских чиновников, аресты Соомана и Фридрихсонса произошли бы примерно в одно время с арестом Повилайтиса. Этого, однако, не случилось.

Более вероятным кажется предположение, согласно которому Повилайтис стал мишенью для советских претензий из-за причастности его подчиненных к вербовке красноармейца Г. Бутаева. Однако при более внимательном рассмотрении и это предположение не выдерживает критики. Дело в том, что, хотя вербовка Бутаева действительно имела место, к ней были причастны не только сотрудники Департамента госбезопасности, но и литовской военной разведки [Ильмярв, с. 588; Anušauskas, с. 204]. При этом причастность военной разведки к делу Бутаева не было секретом для советской стороны: в датированной 29 мая 1940 г. справке начальника особого отдела дислоцировавшегося в Литве 16-го Отдельного стрелкового корпуса отмечалось: «К выводу, что Бутаев убит литовцами — приводит и такой факт: 10-го мая с. г., т. е. за сутки до убийства Бутаева, в город Вильнюс прибыл заведующий западным отделом 2[-го] отдела литовского штаба — подполковник Пранцконис. Последний прибыл в гражданском платье, вел себя нервно. Факт убийства Бутаева дает основание связывать с экстренным приездом Пранцкониса» [Мельтюхов, с. 259]. При этом, несмотря на явную причастность 2-го отдела генштаба армии Литвы к делу Бутаева, Кремль не выдвигал требований отстранить от должности и арестовать ни начальника отдела К. Дулькниса, ни кого бы то ни было из его подчиненных. Получается, что у яростной советской атаки на Повилайтиса был какой-то иной мотив, прямо не связанный с делом Бутаева.

Не меньшее удивление вызывает настойчивость, с которой литовский президент Сметона защищал Скучасу и Повилайтиса. Советские требования отставки и ареста министра внутренних дел и начальника Департамента госбезопасности были абсолютно недвусмысленными. Отказ от выполнения этих требований породил острую негативную реакцию Кремля, которая была прекрасно видна в словах Молотова на встрече с премьер-министром А. Меркисом 11 июня 1940 г. Присутствовавший на этой встрече посол Литвы в СССР Наткявичюс в своей докладной записке отметил: «Боги гневаются» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. T. 2, с. 137]. Однако Сметона отверг советские требования об аресте Скучасы и Повилайтиса. Более того, он высказывался против их ареста утром 15 июня 1940 г., после получения советского ультиматума, когда на кону стояла ни много ни мало судьба страны. И даже после вынужденного принятия советских требований Сметона убедил премьер-министра Меркиса организовать бегство Скучасы и Повилайтиса в Германию. Бытующая в современной литовской историографии мысль о том, что Сметона действовал подобным образом исключительно из нежелания отдавать в руки СССР невинных людей, выглядит неправдоподобно. Пришедший к власти в результате военного переворота и правивший страной на протяжении без малого четырнадцати лет авторитарный диктатор едва ли мог руководствоваться столь мелодраматическими соображениями.

Все эти странности становятся понятными, как только мы помещаем события советско-литовского кризиса мая-июня 1940 г. в более широкий контекст. На протяжении всего межвоенного периода ключевой задачей советской политики на прибалтийском направлении являлось недопущение превращения террито-

рии Прибалтики в плацдарм для наступления против СССР. В силу своего географического положения Литва оказалась своеобразным «ключом» к Прибалтике, и потому к этой стране было привлечено особое внимание Кремля. Многолетние усилия советской дипломатии по выстраиванию особых отношений с Литвой пошли прахом, когда в 1938 г. Германия преступила к ревизии европейского миропорядка. Существовавшая с 1920 г. геополитическая «ось Каунас — Москва» к весне 1939 г. ушла в прошлое, и Кремль был готов признать германское доминирование в Литве в обмен на отказ Германии от продвижения своего влияния в Латвии и Эстонии. Однако в конце сентября 1939 г. Москве удалось добиться от Берлина включения в советскую «сферу влияния» не только Латвии и Эстонии, но и Литвы. При этом опасения Кремля относительно возможности роста германского влияния в этой стране (единственной из всех прибалтийских государств стране, непосредственно граничившей с Рейхом) по-прежнему оставались весьма значительными. Возможность перехода Литвы в германскую сферу влияния рассматривалась Кремлем как реальная угроза безопасности Советского Союза. Пока Германия была занята боевыми действиями на Западе, эта угроза оставалась эвентуальной; однако стремительное поражение Франции в мае 1940 г. кардинально изменило ситуацию.

Ситуация усугублялась тем, что в феврале 1940 г. директор Департамента госбезопасности Литвы А. Повилайтис посетил Берлин, где встречался с высокопоставленными сотрудниками РСХА и по поручению президента (и в обход действовавшего правительства) зондировал вопрос о возможном установлении германского протектората над Литвой [Mullyniemi, с. 119–120]. Благодаря деятельности советской разведки, имевшей высокопоставленного агента в Департаменте госбезопасности МВД Литвы, информация об этом визите стала вскоре известной Кремлю [Дюков, с. 32–34; Славинас, с. 226–227].

О том, что советская сторона может догадаться о тайных германо-литовских связях, предупреждал генерал Й. Чернюс. После встречи с советским замнаркомом обороны А. Локтионовым он писал: «Я думаю, что до их ушей могут дойти различные слухи о смене оккупаций. Эти слухи нам никак не помогут, а навредить могут. Мы были вынуждены заключить договор о взаимопомощи в определенном международном положении, и только это положение может его изменить. И здесь наши собственные желания не всегда могут перевесить. Восточный сосед очень чуток, подозрителен, так что необходима очень большая осторожность» [Lietuvos Respublikos užsienio politika, T. 1, с. 57–58]. Человек хорошо осведомленный, Чернюс знал, о какой «смене оккупаций» может идти речь — до ноября 1939 г. он занимал пост министра и лично санкционировал тайные связи с Германией по линии спецслужб [Дюков, с. 95]. И безусловно, он совершенно правильно оценивал отношение Кремля и к подобным связям, и к идее перехода Литвы под германский протекторат.

В сложившейся ситуации фигура Повилайтиса приобретала огромное политическое значение. Поскольку зондаж возможности установления германского протектората осуществлялся именно через него, для Москвы принципиально важным было увидеть Повилайти-

са за решеткой. Этот арест был бы одновременно и наглядным свидетельством лояльности литовских властей, и концом сотрудничества спецслужб Германии и Литвы, и оружием против президента Сметоны — ведь проводившиеся Повилайтисом зондажные беседы противоречили советско-литовскому договору от 10 октября 1939 г. Для президента Сметоны, соответственно, принципиально важным было, чтобы директор Департамента госбезопасности оставался на свободе.

Именно поэтому советская сторона столь активно добивалась ареста Повилайтиса, и именно поэтому Сметона столь активно этому противился. Ситуация усугублялась тем, что прямыми обвинений Повилайтису в контактах с немцами Кремль предъявить не мог — это означало расклевывание ценнейшего агента советской разведки в Департаменте госбезопасности. Советская сторона требовала ареста Повилайтиса, не имея возможности обосновать свои требования иначе как историей с Бутаевым. Это позволяло Сметоне выстраивать эффективную защиту Повилайтиса в литовском правительстве, раз за разом отвергая советские требования. Неосведомленные о сути происходящего члены литовского правительства едва ли понимали, насколько огромное значение дело Повилайтиса приобрело для советско-литовских отношений.

Библиографический список

- Anušauskas A. *Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940*. Vilnius, 1993. .
- Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pagrindis 1939–1945 m.* Vilnius, 2015.
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 1.
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 2.
- Lukšas A.K. *Skučio ir A. Povilaičio byla: naivumas ar išdavystė? // Lietuvos Respublikos Valstybės saugumo departamento 2013 metų veiklos ataskaita*. Vilnius, 2014.
- Myllyniemi S. *Baltian Kriisi, 1938 – 1941*. Helsinki, 1977.
- Tininis V. *Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. Vilnius, 2000.
- Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М., 2013.
- Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008.
- Ильмарв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012.
- Каспаравичюс А., Лауринавичюс Ч. Перцепция России / Советского Союза в межвоенной Литве // *Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной*. М., 2012.
- Мельтюхов М.И. *Прибалтийский плацдарм (1939–1940): Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря*. М., 2014.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 – август 1940 г. М., 1990.
- Славинас А. Гибель Помпеи. Записки очевидца. Тель-Авив, 1997.
- СССР и Литва во Второй мировой войне: сборник документов / сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006. Т. 1.

References

- Anušauskas A. *Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940*. Vilnius, 1993 [in Litvy].
- Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pagrindis 1939–1945 m.* Vilnius, 2015 [in Litvy].
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 1 [in Litvy].
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 2 [in Litvy].
- Lukšas A.K. *Skučio ir A. Povilaičio byla: naivumas ar išdavystė? Lietuvos Respublikos Valstybės saugumo departamento 2013 metų veiklos ataskaita*. Vilnius, 2014 [in Litvy].
- Myllyniemi S. *Baltian Kriisi, 1938–1941*. Helsinki, 1977 [in English].
- Tininis V. *Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. Vilnius, 2000 [in Litvy].
- Diukov A.R. *Protėktorat «Litva». Tainoe sotrudnichestvo s natsistami i nerealizovannyi stsenarii utraty litovskoi nezavisimosti* [Protectorate «Lithuania». Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of loss of Lithuanian independence]. M., 2013 [in Russian].
- Zubkova E.Yu. *Pribaltika i Kremľ, 1940–1953* [The Baltic States and the Kremlin, 1940–1953]. M., 2008 [in Russian].
- IImjarv M. *Bezmolvnaia kapituliatsiia. Vneshniaia politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdū dvumia voinami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940)* [Silent surrender. The foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the mid-1920-ies to the annexation in 1940)]. M., 2012 [in Russian].
- Kasparavičius A., Laurinavičius C. *Pertseptsiia Rossii / Sovetskogo Soiuza v mezhoennoi Litve* [Perception of Russia / the Soviet Union in interwar Lithuania]. In: *Obraz Drugogo. Strany Baltii i Sovetskii Soiuз pered Vtoroi mirovoi voinoi* [The image of the Other. The Baltic States and the Soviet Union before the Second World War]. M., 2012 [in Russian].
- Meltyukhov M.I. *Pribaltiiskii platsdarm (1939–1940): Vozvrashchenie Sovetskogo Soiuza na berega Baltiiskogo moria* [The Baltic bridgehead (1939–1940): The return of the Soviet Union to the shores of the Baltic Sea]. M., 2014 [in Russian].
- Polpredy soobshchaiut... *Sbornik dokumentov ob otnosheniakh SSSR s Latviei, Litvoi i Estoniei, avgust 1939 – avgust 1940 g.* [The plenipotentiaries report ... A collection of documents on the relations of the USSR with Latvia, Lithuania and Estonia, August 1939 – August 1940]. M., 1990 [in Russian].
- Slavinas A. *Gibel' Pompei. Zapiski ochevidtsa* [Destruction of Pompeii. Notes of the eyewitness]. Tel-Aviv, 1997 [in Russian].
- СССР i Litva vo Vtoroi mirovoi voine: sbornik dokumentov. Sost. A. Kasparavičius, C. Laurinavičius, N. Lebedeva [USSR and Lithuania in World War II: Collection of documents. Compilers A. Kasparavičius, C. Laurinavičius, N. Lebedeva (Eds.)]. Vilnius, 2006, Vol. 1 [in Russian].